

Исследователи давно обратили внимание на то, что у Достоевского имена, отчества и фамилии героев не случайны, и, как правило, полны глубокого смысла. Истолкованию имен героев Достоевского посвящена даже специальная книга М. С. Альтмана «Достоевский. По векам имен»; есть в ней и статья о Родионе Раскольникове. Вернее, просто о Раскольникове: М. С. Альтман рассматривает фамилию героя изолированно, не соотнося ее с именем. Однако в случае Родиона Раскольникова именно при соотнесении имени и фамилии открывается очень глубокий смысл. Поэтическая ономастика Достоевского некоторыми своими чертами восходит к традициям творчества Гоголя, на это указал еще Ю. Н. Тынянов. Подробно о близости ономастических приемов Гоголя и Достоевского пишет в уже названной работе М. С. Альтман.

В этой связи нельзя не вспомнить здесь книгу Г. А. Гуковского «Реализм Гоголя», в которой содержится замечательная по глубине интерпретация столкновения «двух стихий» в имени гоголевского персонажа Хома Брута из повести «Вий»: «Хома Брут — это ведь как бы лексический парадокс, сталкивающий противоположное: с одной стороны, бытовое, весьма «прозаическое» Хома... — и Брут — высокогероическое имя — символ подвига свободы, возвышенной легенды». Исследователь находит здесь «трагическое в самой своей глубокой сути столкновение высокого назначения человека и его «земности», задавившей в нем высокое», «борение двух миров, или, точнее, двух аспектов мира — красоты, мощи, величия, борьбы добра со злом, — и обыденной пошлости». Причем «оба борющихся у Гоголя аспекта бытия, и поэтический, и презренно-обыденный, борются внутри Хома Брута; оба они — это ведь аспекты сущности самого Хома Брута», в имени которого, — подытоживает Г. А. Гуковский, — «сведены в единстве и столкновении обе стихии, образующие повесть» (слово «обе» выделено Г. А. Гуковским).

А отсюда, если опять вернуться к тезису М. С. Альтмана о близости ономастических приемов Гоголя и Достоевского, прямой путь к имени главного героя романа «Преступление и наказание» — Родиона Раскольникова, ибо, как и у Гоголя, у Достоевского (об этом речь ниже) «ономастический прием» состоит в том, что семантическая конфликтность имени и фамилии персонажа выражает столкновение, борьбу противоположных начал внутри героя.

В своем «Комментарии» к роману «Преступление и наказание» С. В. Белов настаивает на том, что Достоевский, давая символические имена своим героям, исходил из тех «значений» имен, которые приводились в списках святых православных церковных календарей. В соответствии с этим тезисом в «Комментарии» толкуются имена Катерины Ивановны, Настасьи, Пульхерии Александровны, Сонечки, Никодима Фомича, Порфирия Петровича, отчество Мармеладова (Захарович) и т. д. Однако существует и другая точка зрения. Так, А. Л. Бем в работе «Личные имена у Достоевского» писал: «Попытки объяснить символически имена Достоевского, исходя из их греческого корня, мне представляются мало убедительными... Я думаю, ему была чужда такая манера использования имени». (Однако для Сонечки А. Л. Бем делает исключение: «Разве только имя Соня Мармеладова дает законное право, в связи с мотивами священного писания, сопоставлять его с Софией — высшей мудростью божьей и любовью»). Замечу от себя, что Достоевский часто дает своим героям не календарные имена, а (по возможности) их народные варианты: Авдотья (а не Евдокия), Настасья (Анастасия), Лизавета (Елизавета), Катерина (Екатерина), Алена (Елена), Митрей — красильщик, напарник Миколки (однако Разумихин — Дмитрий), наконец, сам Миколка, которого, впрочем, несколько раз в романе называют Николаем. Например, в «Братьях Карамазовых» Грушенька яростно протестует против своего календарного имени, воспринимая его как нерусское: « — Пани Агриппина... — Я Аграфена, я Грушенька, говори по-русски, или слушать не хочу!» Совершенно очевидно, что употребление народных вариантов имен отнюдь не способствует актуализации в сознании читателя их греческого или латинского корня.

Имя главного героя романа — Родион Раскольников — также не допускает подобного истолкования: в православных календарях имя Родион объясняется как «розовый» или даже «розы покупающий» (?). Кажется, еще никто из комментаторов не рисковал здесь искать его разгадку. Но дело в том, что до сих пор не предложено и иной, более или менее приемлемой интерпретации. А вместе с тем очевидно, что имя главного героя далеко не случайно. Достоевский не сразу назвал его Родионом; в ранних редакциях он — Василий, Вася, Васюк. Налицо поиск имени для героя.

Впервые имя главного героя читатель узнает в третьей главе первой части романа из письма матери Раскольникова. «Милый мой Родя...», — так начинает свое письмо Пульхерия Александровна. Именно в этой уменьшительно-ласкательной форме имя героя главным образом и употребляется в романе. Не только для матери, но и для Дунечки, и для Разумихина он Родя, Роденька, Родька. В такой уменьшительно-ласкательной форме имя героя употребляется в романе более 120 раз.

«Незнание внутреннего смысла заимствованных имен приводило к своеобразному их осмысливанию русским народом, к Так называемой народной этимологии, — пишет современный

специалист по ономастике **А. А. Угрюмов**. — Народное осмысливание строилось на звуковых аналогиях» (Русские имена. Вологда, 1970). Именно в результате названной закономерности в живом, разговорном русском языке, особенно благодаря кратким формам *Родя*, *Роденька*, происходит переосмысление этого имени, устанавливается новая смысловая связь: Родион, Родя — «родной», «родимый». Этому переосмыслению должно было способствовать и то обстоятельство, что уменьшительная форма *Родя* и именно с семантикой родства могла восходить не только к имени *Родион*, но и к дохристианским русским именам *Родислав*, *Родослав*, *Родич*, зарегистрированным в «Словаре древнерусских личных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903).

Представляется, что именно этот рожденный народной этимологией смысл в имени героя Достоевского и выходит в романе на первый план, выявляя существеннейшее начало в душевном мире Родиона Раскольникова — его *род-ство*, его неразрывную (уж коли в имени отразилась) связь, с окружающими людьми.

Дело, однако, не только в народной этимологии, но и в особом характере функционирования имени героя в романе. А. Л. Бем считал исключительно важным, в каком контексте названо впервые имя героя произведения. В этой связи стоит подчеркнуть, что если фамилию Раскольникова читатель узнает во время его первого визита к старухе-процентщице, когда он приходит к ней «делать пробу своему предприятию» (« — Раскольников, студент, был у вас назад тому месяц, — поспешил пробормотать молодой человек»), — то имя возникает впервые, как уже отмечалось, на страницах письма матери — в атмосфере любви, трогательной заботы друг о друге и самоотверженности ради любимого человека.

В. Н. Топоров, утверждая близость отдельных сторон структуры романа Достоевского «текстам и схемам мифопоэтической традиции», указывает на такую особенность функционирования слова в «Преступлении и наказании», как «возможность изменения границ между именем собственным и именем нарицательным вплоть до перехода одного в другое» (Топоров В. Н. Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления («Преступление и наказание»). — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973). И действительно, в контексте письма матери, особенно для читателя, который еще не знает полного имени героя, обращение «Милый мой Родя...» равно может быть прочитано и как имя собственное, и как нарицательное в ряду таких материнских поименований, как «первенец мой», «кровиночка моя» и т. п. Также и в дальнейшем контекст всемерно поддерживает актуализацию семантики родства в имени героя (см., например, слова Разумихина о матери Раскольникова: «...хоть сама есть не будет, а уж Роденьку выручит»).

Другого типа контекст представляет следующее, обращенное к Раскольникову восклицание Порфирия Петровича: «...батюшка! Родион Романович! Родименький! Отец! Да что с вами?».

Если имя героя выражает, как было показано, «центробежное» начало в его душевной жизни, его родство, внутреннюю неразрывную связь с людьми, то фамилия, с очевидностью, указывает на начало прямо противоположное, «центростремительное» — «раскол» в самом широком смысле слова, то есть разъединение людей, разрушение, распадение человеческих связей. Причем оба начала — страстная жажда сращения, братства со всеми людьми и устремленность к крайнему индивидуализму, отразившиеся в имени и фамилии героя, — одинаково активны, равносильны в той борьбе, которая совершается в душе Раскольникова.

Знаменательно, что в ранних редакциях романа, где герой в значительной степени еще однозначен и одномерен, у него вообще нет фамилии и совсем другое имя — Василий (от греч. — «царь»), — имя, однозначно указывающее на стремление героя стать «установителем и законодателем человечества». Представляется! что изменение имени, появление противоположных по смыслу, «конфликтных» имени и фамилии сопровождало общее изменение авторской концепции главного героя в ходе работы Достоевского над романом. В творческой истории «Преступления и наказания» есть важная веха, датируемая концом ноября 1865 года, когда, по словам самого писателя, он «все сжег» и «начал сызнова»: «новая форма, новый план увлек» его (см. письмо А. Е. Врангелю от 18 февраля 1866 года). Именно в это время в черновых набросках герой впервые и получает новое имя — Родион Раскольников.

В романе есть великолепная сцена, как правило, не привлекающая внимания исследователей, в которой Достоевский виртуозно обыгрывает смысл имени и фамилии главного героя, их соотношенность, их конфликтность. Это кульминационный момент в развитии событий — явка Раскольникова с повинной в полицейскую контору и его разговор с поручиком Порохом. Порох находится в «превосходнейшем и даже капельку возбужденном состоянии духа» и не прочь поболтать, но Достоевский так организует речь Пороха, что, оставаясь пустопорожней болтовней в рамках эпизода, слова героя приобретают символический смысл в контексте всего романа. «Слова подчас мудрее изрекающих их», — точно выразил эту особенность жизни слова в творчестве Достоевского М. Альтман.

«Раскольников задрожал. Перед ним стоял Порох...

— К нам? По какому? — воскликнул Илья Петрович... — Если по делу, то еще рано пожаловали. Я сам по случаю... А впрочем, чем могу?... Я признаюсь вам... как? как? Извините...

— Раскольников.

— Ну что: Раскольников. И неужели вы могли предположить, что я забыл! Вы уж, пожалуйста, меня не считайте за такого... Родион Ро... Ро... Родионыч, так, кажется?..»

Удивительная сцена! Сам того не ведая, отвергая фамилию Раскольникова («Ну что: Раскольников!»), удваивая по ошибке его имя («Родион... Родионыч»), поручик Порох выражает смысл происходящего: явка с повинной — это попытка преодоления «раскола» между главным героем и людьми, попытка восстановить распавшиеся, разрушенные связи, попытка возвратиться, хотя бы и через наказание, к людям.

Ленинград